

— Не может быть, — брат Цун не взял трубку и сказал решительно. — Мы пришли сюда только для переговоров, ты это прекрасно знаешь. Кровавые столкновения никогда не были целью правительства, они не позволят нам начать первыми...

— Конечно, нет, но если переговоры провалятся, а приказы останутся неизменными, то столкновения неизбежны, — ответил кузен.

То, что он увидел той ночью, потрясло кузена до глубины души. Он никогда не думал, что его товарищи могут быть настолько жестокими к людям Кушань.

Но то, что он увидел позже, потрясло его ещё больше.

Чем дольше длилось противостояние, тем больше люди сходили с ума. Чем дальше они отдалялись от цивилизованного общества, тем сильнее проявлялась их животная сущность.

Возможно, когда кузен покинул войска, безумие только начинало распространяться, но по мере того, как оно, как вирус, охватывало лагерь, всё больше мирных жителей Кушань попадали в плен и были убиты.

— Это действительно странно. Когда я был в войсках, я видел, как люди Кушань убивают солдат. Когда я оказался в Кушань, я увидел, как солдаты убивают мирных жителей, — сказал кузен. — Скажи, это из-за того, что я смотрел на это с разных сторон?

Брат Цун не мог ответить.

Он не видел других точек зрения, а подход кузена пока был для него неприемлем.

Кузен остался. После того как он увидел ещё больше убийств, он выдал ещё несколько лагерей.

Он наблюдал, как люди Кушань спасают своих соотечественников, как они сражаются друг с другом. Как солдаты бросали оружие, но затем снова хватали его, а обезьяны с гор прыгали вниз, чтобы через мгновение исчезнуть.

Он постоянно искал возможность уйти, но, почему-то, словно невидимая верёвка держала его за ногу, не позволяя просто взять и уйти.

Так он прожил день за днём. Он помогал им защищаться от солдат, ел их сладкий картофель и рис, участвовал в похоронах мужчин, женщин и детей и постепенно учил их язык, повторяя за ними непонятные звуки.

— А-Да знал, кто я, — вдруг сказал кузен. — Через год я признался ему.

Тогда солдаты захватили одну маленькую деревню, но после захвата они разграбили и сожгли её. Они сравняли это место с землёй и быстро построили новую линию обороны.

Война на истощение наконец дала свои плоды. Люди Кушань постепенно теряли силы, а солдаты получили возможность продвигаться вперёд, захватывая территорию метр за метром.

Кузен ночью пробрался к их линии обороны и увидел, как они закапывают землю сапёрными лопатами. Он заметил торчащие из земли части тел и понял, что в яме находилось.

Кузен не выдержал. Вернувшись с линии обороны, он пришёл к А-Да. Он сказал, что он солдат, такой же, как те, что снаружи. Пусть убьют его, он больше не может.

А-Да сказал:

— Я знаю.

Кузен удивился:

— Как ты узнал?

А-Да ответил:

— Ты знаешь столько лагерей. Ты, торговец, не мог бы знать.

Кузен заплакал:

— Я не хотел скрывать от вас, я просто...

— Чтобы выжить, — сказал А-Да. — Я тоже выживал.

Кузен, чтобы выжить, стал дезертиром. А-Да, чтобы выжить, заставил кузена предать своих. Солдаты, чтобы выжить, шли под пули. А люди Кушань, чтобы выжить, защищали свою землю с мачете в руках.

Все хотели выжить.

— Но не каждый сможет тебя понять, — сказал А-Да. — Поэтому, кроме меня, никому не говори о своём прошлом, даже Бао Лянь.

Бао Лянь была нынешней женой кузена.

— Её отец болен, ему осталось недолго, не расстраивай её.

Кузен кивал, вытирая слёзы.

За этот год он видел, как Бао Лянь заботилась о нём, и именно поэтому, принимая её доброту, он чувствовал глубокую вину.

— Ты больше не солдат. Ты теперь человек Кушань. Ты сделал так много для нас, без тебя деревня Ситоу не продержалась бы так долго.

А-Да налил кузену вина, чтобы он успокоился, согрелся и пришёл в себя.

С тех пор кузен слушался А-Да. Он остался в доме, где его спасли, пока старик из этой семьи не погиб на охоте, сброшенный солдатами со склона.

Он женился на дочери старика в начале этого года.

И если бы не встреча с братом Цунем в конце года, возможно, кузен так и не рассказал бы об этом.

— А твоя семья? Ты знаешь, что они считают тебя мёртвым? — спросил брат Цун, вздохнув. Вспоминая, как женщина ходила, он подумал, что Бао Лянь беременна.

— Не знаю, — сказал кузен, подумав, покачал головой. — Может, я действительно должен был умереть.

Брат Цун промолчал. Он смотрел на кузена, чувствуя одновременно знакомое и чужое.

Знакомое, как слово «брат», которое он повторял тысячи раз. Чужое, как имя «Фазан», которым его называли люди Кушань.

Брат Цун не видел, как солдаты совершали зверства, и ему было трудно поверить в то, что рассказывал кузен. Но, по крайней мере, он понял, что, поскольку А-Да спас кузена, а кузен спас деревню, он теперь навсегда связан с Ситоу и не может вернуться назад.

Именно поэтому, когда кузен увидел, что новый пленник — это брат Цун, и заметил на нём военную форму, он понял, что, кроме него, никто не сможет спасти брата Цуна.

— Имя «названный младший брат» может звучать для тебя неприятно, но если ты хочешь выжить, это, возможно, единственный способ, — наконец сказал кузен. — Это лицо, которое мне сделал А-Да, но если ты действительно не хочешь, я думаю, А-Да не станет тебя принуждать.

На обратном пути брат Цун встретил А-Да, спускающегося с горы. А-Да и Ворон несли корзины с ульями, а на руках висели верёвки, похоже, они только что спустились со скалы за мёдом.

А-Да спросил брата Цуна:

— Куда ходил?

Брат Цун ответил:

— Видел Фазана, спрашивал, откуда он родом.

А-Да тихо кивнул, не задавая больше вопросов.

Молодой охранник брата Цуна шёл сзади, не проронив ни слова, и пока его можно было игнорировать. Ворон, увидев брата Цуна, тоже молчал, даже не заговорив с А-Да.

Идти в тишине было неловко, и брат Цун начал разговор:

— Только что курил трубку у Фазана, и в ней был вкус мёда. Это мёд добавляют в трубку?

А-Да кивнул, но было неясно, подтверждал он или нет.

Ворон добавил:

— Мёд для вина. Не для этого.

После этого они снова замолчали, и брат Цун чувствовал себя невероятно неловко.

Тогда он снова заговорил:

— Почему вы не курите трубку? Мне кажется, она лучше, чем грубый табак, вкус мягче.

А-Да снова кивнул, а Ворон даже не удостоил его ответом.

Брат Цун подумал, что они настоящие мастера молчания.

Но, как бы то ни было, идя по тропинке, переходя через мост и спускаясь вниз, четверо шли в

полной тишине, что было просто невыносимо. Поэтому брат Цун сдался и попытался продолжить разговор.

Он заметил, что Ворон держит в руке несколько цветов с длинными стеблями, ярких и красивых, и указал на них:

— Это тоже для вина? Что это за цветы? Выглядят красиво.

А-Да обернулся, посмотрел на Ворона и покачал головой:

— Нет, это Ворон собрал для красоты.

Брат Цун снова посмотрел на Ворона, но на этот раз Ворон не только не ответил, но даже слегка покраснел.

Брат Цун подумал, что этот румянец был ярче, чем он мог видеть, и даже тёмная кожа Ворона не смогла его скрыть.

Брат Цун, видя, что Ворон молчит, подумал, что тот его не расслышал, и снова спросил:

— Для чего они? Может, женщины Кушань делают из них духи?

— Я уже сказал, для красоты, — перебил А-Да, снова посмотрев на Ворона. — Для твоей маленькой секретарши, для красоты.

Услышав это, Ворон перепугался. Он растерянно сказал:

— А-Да, что ты говоришь? Это совсем не так. Я сказал, что собираю их для себя, чтобы поставить на подоконник. Какая секретарша? О чём ты?

— Ладно, ладно, — сказал А-Да, не желая больше спорить. Он взял корзину у Ворона, отдал её брату Цуну и подтолкнул Ворона. — Иди уже, ты так сильно дёргаешь, цветы завянут. Иди.

<http://bllate.org/book/16300/1470152>